

© 1992 г., ЭО, № 4

Г. Е. Марков

НЕМЕЦКОЕ НАРОДОВЕДЕНИЕ ОТ НАЧАЛА XX в. ДО 1933 г.

В отличие от русскоязычных авторов, обозначающих все разделы науки о народах как этнографию или этнологию, в немецкоязычной литературе издавна сложилась традиция, по которой она включает три самостоятельные ветви или даже науки: этнологию (*Völkerkunde*), занимающуюся изучением внеевропейских народов в сравнительном и теоретическом плане; народоведение (*Volkskunde*), чьи задачи в самом общем виде можно определить как исследование европейских, но прежде всего немецкоязычных народов, и, наконец, этнографию (*Ethnographie*), область которой ограничивается собиранием и систематикой эмпирического материала.

По традиции, сложившейся еще в XIX в., национальные ветви народоведения в Германии, Австрии и Швейцарии имеют общее обозначение как «немецкие», «немецкое народоведение», причем эти понятия рассматриваются как синонимы «немецкоязычного». Но дело здесь не только в общности языка, а прежде всего в том, что эти три национальные ветви народоведения изначально складывались как единое научное направление, имели общую историю возникновения и развития. Правда, между ними можно обнаружить и известные различия, однако они не принципиальны. Так, германское народоведение, а с 1938 г. и австрийское, значительно более политизированы, чем швейцарское. Австрийские и швейцарские ученые занимались главным образом изучением населения своих стран, тогда как германские, хотя по большей части декларативно, включали в сферу задач народоведения наряду с немецкоязычным и прочее европейское население.

Историографическое исследование немецкого народоведения имеет исключительно большое не только научно-познавательное, но и политическое значение, так как распространенные в народоведении взгляды, основываясь в каждый исторический период на новейших философских и социально-политических концепциях, и сами оказывали сильнейшее влияние на формирование идеологических представлений. Эта ветвь науки прямо, косвенно или благодаря своим теоретическим основам оказала весьма ощутимое, а в иных случаях даже решающее воздействие на формирование националистических и шовинистических взглядов в Германии и Австрии; в отдельных случаях — и в Швейцарии. Ряд положений немецкого народоведения во многом предвосхитил нацистскую идеологию и стал ее составной частью.

Длительная и сложная история немецкого народоведения до наших дней систематически ни в русскоязычной, ни в зарубежной историографии не исследована. Большинство отечественных авторов лишь кратко упоминают о существовании такого раздела науки о народах¹. И только в одной статье специально рассматривается начальный этап становления немецкого народоведения, предлагается периодизация его истории. При этом в истории науки выделяются пять этапов. Первый — эпоха до возникновения народоведения как самостоятельной и официально признанной науки, когда в трудах германских, австрийских и швейцарских исследователей начали выдвигаться положения, составившие впоследствии теоретическую и методическую основу этой отрасли, происходило накопление фактического материала. Второй — время от оформления народоведения

как самостоятельной науки до начала первой мировой войны. Третий — ему посвящена настоящая статья — хронологически относительно короткий, но по научному и политическому значению особенно важный, охватывает время от начала 1920-х гг. до 1933 г. Четвертый — мрачное двенадцатилетие господства нацизма, время деградации и морального упадка немецкого народоведения. И, наконец, последний, пятый этап — начался после 1945 г. и продолжается в наше время. Каждый из этих исторических этапов развития науки имеет свои весьма характерные особенности и существенно отличается от других по направлению деятельности ученых, распространенным теоретическим воззрениям².

Немногие историографические работы на немецком языке либо представляют собой довольно беглые, порой не лишенные тенденциозности, обзоры истории немецкого народоведения, либо посвящены частным его проблемам³.

Значительные, так и не преодоленные трудности возникали и возникают при попытках определения теоретических основ немецкого народоведения; эти проблемы рассматривались во многих дискуссиях и публикациях. Ни в прошлом, ни в наше время исследователи не смогли сформулировать сколько-нибудь приемлемых и общепризнанных определений предмета и задач, объектов исследования этой науки. Особые сложности возникали всегда при попытках размежевания народоведения с одной стороны и германистики, социологии, культурологии и т. п. — с другой. В связи с этим нередко вообще высказывалось мнение, что немецкое народоведение не составляет самостоятельного направления или научной дисциплины, а является частью германистики или каких-либо иных наук.

Трудную и не во всех случаях разрешимую проблему в историографии народоведения составляют терминология и ее перевод на русский или любой другой язык. Отсутствуют эквиваленты многих терминов и понятий; дословный перевод далеко не всегда адекватно передает их содержание и дух. К примеру, трудно переводить на русский язык такие понятия, получившие широкое распространение в литературе по народоведению в 1920—1940-х годах, как «*völkisch*», «*volkshafte Gemeinschaft*», «*gemeinschaftsgebundene Geistesart*», «*organologischer Volksbegriff*», «*gesunkenes Kulturgut*» и многие другие. И дело здесь не только в чисто языковых различиях, а в том, что в преднацистское и нацистское время этносоциальная, политическая, народоведческая и расовая терминология была чрезвычайно специфична, во многом символична. В обычные слова вкладывался особый смысл, мало понятный даже современному молодому немцу⁴.

Обратимся теперь к конкретным проблемам, попутно пояснив, однако, почему хронологические рамки статьи не укладываются в предложенную историческую периодизацию народоведения. Это вызвано тем, что теоретические предпосылки в виде многочисленных и весьма различных научных концепций, получивших развитие в последующие периоды истории немецкого народоведения, в основных чертах начали складываться уже к началу XX в., но широкую известность и распространение получили только после окончания первой мировой войны, в 1920-е годы. Без учета же развития рассматриваемой отрасли науки с начала века читателю многое может остаться непонятным.

Немецкое народоведение в начале XX в. Несмотря на то, что все существовавшие в немецком народоведении в начале XX в. научные течения в той или иной мере были связаны с немецкой романтической германистикой, на основе которой и возникло немецкое народоведение, они значительно различались между собой по пониманию объекта, задач исследования, методики работы⁵.

Так, значительное воздействие на теоретические позиции в народоведении продолжали оказывать взгляды Вильгельма Рия, провозгласившего в середине XIX в. «народоведение как науку» и включавшего в ее задачи изучение всех слоев общества, хотя и с несомненным акцентом на традиционную крестьянскую культуру, составляющую «организм народного духа»⁶.

Широкую известность получили в начале нашего века в Германии, Австрии и Швейцарии теоретические взгляды швейцарского профессора Эдуарда Хофф-

ман-Крайера, который усматривал главную задачу народоведения в изучении пержитков примитивных традиций в народной жизни. Сам по себе такой подход был далеко не нов, однако Хоффман-Крайер вкладывал в него особый смысл, рассматривая «народ» как «глубинные социальные и духовные слои нации» и предлагая строго различать в «народе» два слоя культуры: народный — застойный и высший — индивидуально-цивилизаторский. Хоффман-Крайер отрицал возможность самостоятельного развития духовной народной жизни, полагая, что она целиком заимствовалась у высших социальных слоев. Особой популярностью пользовалась его крылатая фраза, гласившая, что «народ не производит, а только перерабатывает (заимствованное у высших слоев — Г. М.)»⁷. Это теоретическое положение получило в дальнейшем более детальную разработку в трудах других исследователей.

С критикой взглядов Хоффман-Крайера выступил известный ученый Адольф Штрак, высказавший мнение, что «задача народоведения состоит в исследовании, показе и объяснении всех жизненных форм и духовных проявлений, которые существуют в естественном виде в народе и им определяются»⁸.

Своеобразно для своего времени понимал цели и задачи народоведения Альбрехт Дитрих, во взглядах которого было много от эволюционизма. Он считал, что народоведение не связано с чисто национальными исследованиями и его главная задача состоит в изучении духовного развития самых разных народов на основе исследования субстрата их культуры⁹.

Значительное воздействие на развитие теоретических представлений в немецком народоведении имели мысли австрийского ученого Е. Могка, усматривавшего предмет этой науки в изучении психологии во всех случаях, когда она была связана с ассоциативным мышлением; которое противопоставлялось логическому. Как полагал Могк, логическое мышление индивидуально, тогда как в ассоциативном проявляется врожденная духовная сущность людей. Так же как Хоффман-Крайер и многие другие исследователи, Могк считал, что основное место должны занимать исследования примитивных явлений у собственного народа¹⁰.

Ему возражал М. Хаберланд, полагавший, что и в рамках примитивной крестьянской культуры существует не только ассоциативное, но и логическое мышление. Правда, большого отклика в начале века его мысли не нашли¹¹.

Существенное воздействие на теоретические взгляды в немецком народоведении имели труды одного из виднейших представителей науки о народах в Германии — Карла Теодора Преусса. В его взглядах довольно эклектически сочетались традиционные воззрения романтической германистики с идеями А. Бастиана и «психологизмом» в духе Э. Дюркгейма и Р. Турнвальда, а его теоретические построения базировались на мысли, что все элементы культуры каждого народа возникают и развиваются из первичной «недифференцированной общественной культуры»¹². И хотя никаких принципиально новых идей Преусс не высказал, его большой научный авторитет способствовал распространению этой умозрительной концепции.

Таким образом, две основные концепции определяли цели и задачи немецкого народоведения в начале нашего века. Одна, менее в то время популярная, восходила к воззрениям Рилия, предлагавшего изучать все слои народа. Другая, более распространенная и модная, была сформулирована Хоффман-Крайером и предлагала исследовать только примитивную крестьянскую культуру. При этом большая часть исследователей стояла на позициях психологизма.

Нельзя не подчеркнуть, что в конце прошлого и в начале нашего столетия немецкое народоведение имело, как и немецкая романтическая германистика, ярко выраженный националистический характер. Однако шовинизм еще не стал его господствующей идеологией, и подавляющая часть исследователей того времени субъективно не разделяла шовинистических взглядов. Вместе с тем многие их теоретические положения не только вели к шовинизму, но и составили в дальнейшем одну из существеннейших основ нацистской идеологии.

Постепенно шовинистические настроения и взгляды начали все глубже проникать в германское, в меньшей мере в австрийское народоведение, что окончательно проявилось под воздействием взрыва национально-патриотических чувств в начале первой мировой войны.

Сильное влияние на немецкое народоведение в рассматриваемое время оказали некоторые исторические и политические концепции, согласно которым Германия и немцы рассматривались как «опоздавшая нация». В связи с этим декларировалась настоятельная необходимость пропаганды всего «чисто немецкого», потребность «наверстать в национальном развитии то, что было упущено». В политологии и народоведении складывается «органологическая теория», ставшая впоследствии одной из существенных идеологических основ национал-социализма. Согласно этой теории немецкий народ, которому приписывались особые выдающиеся свойства, рассматривался как единый организм без социальных различий, как «органически выросшая общность (единство), как органологическое понятие», причем это органическое единство должно действовать под руководством вождя¹³.

Естественно, что и эти идеи, получившие широкое распространение в немецком народоведении, свидетельствовали об углублении шовинистических умонастроений.

Народоведение в 1920-х годах. Сравнительно короткий промежуток времени между концом первой мировой войны и приходом нацистов к власти был важным этапом в истории немецкого народоведения. В это время получили окончательное оформление теории на базе высказанных ранее теоретических концепций. Что касается традиционных положений романтической германистики, их влияние в той или иной мере продолжало ощущаться во всех течениях научной мысли в немецком народоведении — даже тех, которые декларировали отрицательное отношение к германистике.

В начале 1920-х годов в немецком народоведении окончательно складывается «психологическое» направление, основные теоретические положения которого восходили к «народной» и «социальной» психологии, получившей распространение еще в прошлом веке.

К «психологическому» течению в народоведении могут быть, хотя и условно, отнесены такие видные представители этой науки, как Х. Фрейер, М. Румпф, Г. Ипсен, Адольф Шпамер, видевший основную задачу народоведения в исследовании духовной культуры и «душевной жизни» народа, а также близкие к ним А. Хаберланд и А. Хельбок.

Все эти исследователи, при известных различиях во взглядах, выступали против понимания народоведения как науки главным образом об архаических явлениях в народной жизни, против тесных связей народоведения с исторической филологией, древней историей, историей культуры. Главный объект исследования определялся ими как «душевный склад», «духовная жизнь», «склад ума» и «образ мыслей» (*Mentalität*) народа в целом и отдельных его групп.

Особенно следует подчеркнуть роль и значение в истории немецкого народоведения Адольфа Шпамера, ставшего в последующие годы, как и его более молодой коллега, Адольф Бах, одним из наиболее авторитетных представителей этой науки. Огромную эрудицию в области эмпирических знаний Шпамер сочетал с получившими широкую известность теоретическими концепциями¹⁴.

Во многих отношениях «психологическое» направление тесно смыкалось с другим, также получившим распространение в немецком народоведении, «социологическим» течением, представленным в немецкой этнологии Рихардом Турнвальдом. Сторонники «психологизма» в народоведении использовали многие положения социологической теории. Соответственно психологизм был не чужд представителям «социологического» направления¹⁵.

Еще с того времени, когда Макс Вебер, поддержанный Е. Шпрангером и Е. Фролейшем, предпринял попытку превратить социологию в генерализирующую науку, в немецком народоведении стало появляться все больше сторонников

этого направления. К началу 1920-х годов окончательно сложилось течение, которое его недоброжелатели иронически называли «социологизирующим народоведением». Среди сторонников этого направления было немало социологов и народоведов, разделявших взгляды «психологического» течения. Однако часть народоведов относилась к соединению социологии с народоведением весьма критически, как-то М. Вахер и, особенно, Юлиус Швитеринг. Последний, соглашаясь в целом с постановкой основного вопроса сторонниками «психологического» и «социологического» направлений, резко критиковал их за невнимание к изучению крестьянства как «стабильного и ведущего слоя нации». Швитеринг полагал, что хотя с социологической точки зрения должен изучаться весь немецкий народ в целом, однако крестьянству как «творческой силе народности» следует уделять главное внимание. Швитеринг считал вместе с тем народоведение частью истории или социологии, а его основной задачей — изучение общественной жизни в целом. Одновременно этот ученый выступал за функциональный подход к исследованиям в народоведении¹⁶. Немалое число последователей Швитеринга стремились вслед за своим учителем анализировать свойства народа в целом. Объектами их изучения были главным образом крестьянский быт и общинные пережитки в их функциональном взаимодействии. Так, например, крестьянский хор исследовался с учетом состава и реакции слушателей.

Однако многие весьма авторитетные ученые выступали как против «психологизации», так и «социологизации» народоведения, что приводило, по их мнению, к одностороннему взгляду на существо и характер народной культуры. Наиболее энергичным оппонентом этих направлений был Отто Лауфер, считавший, что народоведение представляет собой «зеркало народной жизни, отражает ее такой, какая она есть, и объясняет, почему она имеет данный облик». Лауфер высказывал обоснованные опасения, что вследствие «психологизации» и «социологизации» народоведение окажется оторванным от действительности. Лауфер писал, что основная задача народоведения «состоит в описании и изучении немецкой „Gemeinschaftsart“». Это труднопереводимое понятие, под которым имелась в виду «общность свойств», родившаяся из крови ее носителей и сформировавшаяся историей, различными ландшафтами и особенностями исходных свойств (*Stammeseigentümlichkeit*)¹⁷.

В том же духе высказывался Теодор Фрингс, называвший понятие «душа народов» «мниморомантической декорацией»¹⁸.

В начале 1920-х годов сложилось еще одно крупное направление, тесно связанное с народоведением — «Боннская культурно-географическая школа». В основе положений этой школы лежали идеи, высказанные в свое время Ф. Гребнером и Б. Анкерманом в связи с учением о культурных кругах. В 1909 г. Вильгельм Песслер сформулировал положение о «географическом подходе», который состоял в изучении народа в его пространственном размещении, членении и развитии.

Дальнейшую разработку это течение получило в работах К. Вагнера и Адольфа Баха, исследовавших пространственное распространение немецких имен и культурных ценностей и считавших, что народоведение имеет прочное основание только в применении пространственно-картографического метода¹⁹.

В результате того, что культурно-географическое направление приобрело много последователей, Х. Аубин и Т. Фрингс сумели основать в 1927 г. в Бонне «Институт исторического краеведения Рейнских земель при Боннском университете», в задачу которого входили исследования по народоведению на основе учения о культурном пространстве (*Kulturgeamlehre*). Некоторые положения Боннской школы позднее позаимствовали нацистские идеологи и положили в основу теории и практики гитлеровской геополитики.

Главной работой, выполненной в институте, было начало публикации материалов к «Атласу немецкого народоведения», подготовленных под руководством Фридриха Шмидт-Отто.

Деятельность и установки культурно-географической школы вызвали много критических замечаний со стороны представителей других направлений в народоведении. Так, в частности, названный выше Отто Лауфер считал, что значение географического метода для народоведения сильно преувеличено.

Публикации обширного эмпирического материала, его интерпретация, теоретические построения отмеченных выше исследователей, таких, скажем, как Шпамер, или деятели Боннской школы, заслуживают, конечно, более обстоятельного рассмотрения, чем позволяет объем журнальной статьи. И это предмет других публикаций. Однако для более полного понимания событий в народоведении того времени, атмосферы в науке все же представляется необходимым подробнее остановиться на одном из наиболее примечательных явлений в немецком народоведении — учении Ханса Наумана о «двух культурных слоях» (*Zweischichtentheorie*) и об «опущенном культурном достоянии» (*gesunkenes Kulturgut*), в известной мере восходившем к взглядам Хоффман-Крайера, а также на личности самого Наумана, оказавшего весьма своеобразное, но несомненное влияние на дальнейшую судьбу немецкого народоведения.

Научная и политическая деятельность Наумана в рассматриваемое время и в последующее десятилетие, выпадая во многом из рутинных традиций немецкого народоведения и как бы составляя отдельный этап в его истории, тем самым заслуживает более подробного и детального рассмотрения²⁰.

Прежде всего следует отметить, что в отличие от подавляющего большинства представителей народоведения, занимавшихся весьма широко, или даже главным образом эмпирическими исследованиями и лишь попутно затрагивавших проблемы теории, сам Науман полевой работой занимался мало и все свое внимание сосредоточивал главным образом на теоретических вопросах. Уже поэтому ему принадлежит особое место в немецком народоведении.

В самом общем виде можно считать, что взгляды Наумана были во многих отношениях близки «психологическому» направлению, но отличались большим своеобразием.

Личность Наумана, его идейные позиции на редкость противоречивы. Самого большого внимания заслуживают некоторые научные обобщения Наумана, не лишённые интереса и в наше время и требующие дальнейшей разработки.

С одной стороны, Науман был, пожалуй, единственным крупным народоведом, который стремился, правда, без особого успеха, быть идеологом и создателем нарождавшегося в начале 1930-х годов «национал-социалистического народоведения». В публицистических статьях он выступал как последовательный апологет гитлеризма, жалкий в своем низкопоклонстве перед представителями нацистской Германии. Науман был одним из немногих профессоров, призывавших студентов бросать в костры прогрессивные книги, не угодные гитлеровскому режиму. А с другой стороны, он был создателем оригинальных научных теорий, во многих своих частях не только не совместимых с нацистской идеологией, но прямо враждебных ей, от которых он не отрекся несмотря на резкую критику и преследования со стороны политического руководства, университетских властей и так называемых «барабанщиков режима».

Идейные позиции Наумана восходят к идеалистическим представлениям романтической германистики, взглядам Дюркгейма и учению Леви-Брюля о пра-логическом мышлении. Что касается основных истоков учения Наумана, то сильное влияние на него оказала отмеченная выше концепция Хоффман-Крайера, выделившего в народе два культурных слоя: нижний, «застойный», и высший, «индивидуально-цивилизаторский». Если говорить о чисто нацистских положениях, то хотя они и встречались, особенно в поздних научных публикациях Наумана после 1933 г., но выглядели скорее как чужеродные включения, плохо вписывающиеся в контекст его теоретических взглядов.

Свои основные теоретические положения Науман стал разрабатывать еще в начале 1920-х годов и изложил их в фундаментальном труде «Основы немецкого народоведения», изданном в 1922 и переизданном в 1929 г., что свидетельствует

о степени интереса научной общественности²¹ к его взглядам. Эта работа выдержала и третье издание в 1935 г. Основные теоретические положения автора остались в ней без изменения, однако были сделаны некоторые одиозные дополнения в нацистском духе.

Изложенные в этом труде теоретические построения Науман основывал на довольно широком фактическом материале по материальному и духовному быту крестьянства Германии. Так, рассматриваются костюм и домашняя утварь, деревенский дом и церковь, поселения и сельская жизнь, «примитивный общественный (общинный) дух», «примитивная общественная жизнь», народные и общественные зрелища, народные книги и куклы, народная общественная песнь, загадки и поговорки, предания и сказки, народный язык.

В историографическом введении, отмечая становление народоведения в эпоху романтизма, Науман пишет, что романтизм преувеличивал архаические черты в народном быту и их значение, что непосредственно отразилось на концепциях, получивших распространение в народоведении.

В то же время он считал, что современное ему народоведение уже далеко ушло от этих примитивных взглядов, и, опираясь на данные биологии, этнологии, психологии, стало мостом между этнологией и духовной и культурной историей. Далее Науман определяет основные черты своей научной концепции, которую развивает затем в своем труде. Главная проблема народоведения, считает он, — определить, какого рода та или иная культурная ценность: «пришедшая из прошлого», традиционная общественная (общая) культурная ценность, или «спустившаяся в народ из высших слоев общества культурная ценность (*gesunkenes Kulturgut*)». В первом случае исследование находится в области этнологии, во втором — культурной истории²².

Под общественной (общей) народной культурой (*Gemeinschaftskultur*)²³ Науман понимал примитивную, лишенную индивидуальности культуру некоей архаической общности, постоянно соприкасающуюся с высокой прогрессивной культурой, которой свойственны индивидуальность и дифференцированность.

Науман рассматривал культуру как статическое явление и выделял в ней три ступени: «абсолютную примитивность», при которой сам человек является как бы частью природы; «аграрную ориентацию», в условиях которой существуют недифференцированные народы — крестьяне, рыболовы, охотники; и «героическую ступень» — время господства военной касты. На третьей ступени народ состоит, по Науману, из двух слоев: немногочисленной ведущей верхушки вождей и обширной, еще мало индивидуализированной народной общности (*Volksgemeinschaft*). Высшая ступень культуры, которую создают образованные слои общества, является, писал Науман, как бы цветком на корнях примитивной культуры. Когда культура клонится к упадку, возникают ренессанс и гуманизм, рассматривавшиеся нацистской идеологией как признак упадка. Попутно следует заметить, что ренессанс и гуманизм, так же как западную демократию, нацистские идеологи определяли как проявление упадка и духовного разложения, что практически не расходилось со взглядами Наумана.

Резко критически Науман относился к ностальгическим взглядам романтиков на исчезающую народную культуру: народные песни, одежду, утварь. Исходя из концепции «опущенного культурного достояния» он писал, что до тех пор, пока существует народ, существует и его культурное наследие. Со временем меняется только его внешность и характер, и верхние слои общества шагают от одной формы культуры к другой. При этом все, что происходит в культуре высших слоев общества, находит отклик и подражание в культуре низших слоев. «Народ всегда отстал, он всегда питается остатками со стола духовно богатых»²⁴.

Эти положения Наумана резко противоречили одному из основных постулатов романтической германистики, ставшему составной частью нацистской идеологии, согласно которому прогресс общества обуславливается культурой, идущей из мистических глубин народной жизни. Отрицание Науманом определяющей роли

традиционной крестьянской культуры в формировании культуры немецкого народа вызвало шумную отповедь в нацистской литературе и определило отрицательное отношение официальной науки к его концепции.

На многочисленных примерах Науман рассматривал процессы «опускания культурного достояния», весьма критически при этом оценивая современную ему народную культуру. Если она, как говорил Науман, выглядит испорченно, то в этом повинны кино, граммофон, оперетта, универмаг. Ничто старое в культуре не изменилось в лучшую сторону, оно стало только хуже. Так, рыцарство оставило после себя «народные танцы», верхушка же современного общества дает народу «танцы спекулянтов». И далее он пишет, что так называемая «народная одежда» в средние века возникла не в народе, а была следствием заимствования моды у высших классов. «Таким образом, так называемая „народная культура“ — лишь эхо моды высших слоев»²⁵.

Особенно подробно останавливался Науман на «народном языке», чему были посвящены несколько его работ. По мнению ученого, в языке происходят такие же «спускающиеся вниз» процессы, как в материальной и духовной культуре. Имеют место сильные языковые заимствования «низшей» культуры от «высшей». «Крестьяне употребляют сегодня слова и обороты речи, бывшие некогда в ходу у высших классов»²⁶.

Как представляется, самой слабой и противоречивой стороной концепции Наумана были его взгляды о существовании «народной общности», что отметили многие ученые. Рассматривая, с одной стороны, народную жизнь как некое отражение культуры высших слоев и называя крестьянство носителем примитивной культуры, с другой стороны, Науман приходит к заключению отнюдь не вытекающему из всей совокупности его взглядов, зато отвечающему представлениям романтической германистики о наличии в «примитивной культуре» некоей мистической духовной силы, магического духовного источника, оплодотворяющего всю культуру в целом, в том числе и высшую. Науман писал: «Все народное (volkstümliche), как бы красиво оно ни выглядело, принадлежит преодоленному и прошедшему. Но, с другой стороны: из ценностей примитивной общей культуры (der primitiven Gemeinschaftskultur) восходит свежая, вечно молодая сила». И далее: «Дух стоит над массой, и в борьбе с исходным общим побеждает личность, совесть, являющиеся порождением высшего слоя и сами его порождающие. Личное создает высшую культуру, но ее корни лежат в примитивной культуре, являющейся вечной материнской основой»²⁷.

Нельзя не отметить, что если Науман свою концепцию об «опущенном культурном достоянии» аргументирует довольно широким, и, как представляется, в отдельных частях доказательным фактическим материалом, то положения о «примитивной культуре» и «мистическом животворном источнике» остаются пустой декларацией, и автор даже не поясняет, что же он конкретно имеет в виду, в чем и как проявляются «магические силы», как разрешается противоречие между этими силами и «абсолютной примитивностью». Неясность взглядов Наумана особенно отчетливо проявляется, когда он пытается обрисовать существо «примитивной общности», забывая при этом декларированную им «животворную силу», исходящую из «абсолютной примитивности». «Примитивные общности» Науман усматривает не только, скажем, у литовских, но и у немецких крестьян, которые ведут, по его словам, «доисторическую — примитивную унифицированную жизнь». Мало того, людей на такой стадии развития он называл «социализированными стадными животными»²⁸. Отдельные черты примитивной культуры Науман находил даже в высших слоях немецкого общества, что, по его мнению, составляет основной предмет исследования народоведения.

Названные выше, а также опубликованные после 1933 г. работы Наумана вызвали большой отклик в народоведении. Большая часть ученых признавала оригинальность его теоретических построений, однако воспринимала их довольно критически. Показательна в этом отношении позиция Адольфа Баха, хотя и она не вполне последовательна. Высоко оценивая вклад Наумана в немецкое наро-

доведение, Бах в то же время критиковал практически все его теоретические позиции. В особенно резких выражениях он упрекал Наумана за отсутствие внимания к умственному и физическому развитию рас, за его «нейтральность» к расовым, географическим, национальным (в геополитическом смысле) особенностям народов. Бах полагал, что Науман недооценил «творческую деятельность масс» и придает чрезмерное значение исследованию «примитивной неиндивидуализированной общности»²⁹.

За упрощенное представление о движении культурного достояния только сверху вниз, без учета обратного процесса, а также культурного обмена между разными областями расселения немцев, критиковал Наумана Дж. Мейер³⁰.

М. Х. Бозм обвинял Наумана в том, что его учение порождает представление о классовой борьбе между социальными слоями, противореча таким образом «органологической» теории³¹.

Из числа наиболее авторитетных народоведов практически единственным, кто хотя и с немалой долей критики, но в целом положительно отнесся к учению Наумана, был Адольф Шпамер, который даже назвал его «краеугольным камнем в синтезе современных ему знаний» в народоведении. При этом Шпамер разделял взгляды Наумана, согласовывавшиеся с положениями «народной психологии». Довольно критически отозвался Шпамер о концепции «опущенного культурного достояния», напоминая о выводах Хоффман-Крайера, что народ не просто заимствует культурное наследие высших слоев общества, а перерабатывает его в своем духе. Наиболее отрицательно оценив гипотезу Наумана относительно существования стадии «примитивного общественного (общего) состояния», Шпамер справедливо отметил, что это состояние невозможно на практике оторвать от прочих явлений культуры. Так же критически он отнесся к положению о том, что основным носителем «примитивной неиндивидуализированной культуры» является крестьянство, и что потому главный объект изучения составляют сельские жители³². Любопытно, что Науман не только положительно воспринял критику Шпамера, но и считал его единственным ученым, давшим верную оценку его концепциям.

Заключая рассмотрение взглядов Наумана в 1920-е годы, можно попытаться вкратце сформулировать его основную теорию. В конечном счете она сводилась к мысли о развитии человеческого духа и культуры от примитивной неинтеллектуальной мистической ступени коллективных представлений, что хотя и в сильно измененном виде восходит к мыслям Адольфа Бастиана об «элементарных» и «общественных» идеях, к логически-индивидуалистической ступени высшей культуры. При этом, как считал Науман, изменение примитивных представлений и примитивной культуры происходит под воздействием «опускания» в народ культурного достояния высших слоев общества. Эта, как ее называли тогда, «элитарная» концепция, если оставить в стороне психологизм в духе Леви-Брюля и мистическую мишуру, несомненно содержит и некоторое рациональное зерно, касающееся воздействия городской культуры на сельскую и процессов формирования так называемой народной культуры³³.

Однако несомненно значительное влияние идей Наумана на народоведение было скорее косвенным, так как признания его труды среди ученых того времени не получили. Тем более, что многие как либерально, так и консервативно настроенные ученые рассматривали Наумана как авантюриста в науке и общественной жизни, чему в значительной степени способствовали его политические статьи, опубликованные после прихода Гитлера к власти, и пронацистские выступления. Однако вместе с тем идеи Наумана легли в основу широких научных дискуссий, всколыхнули всю научную жизнь и стали существенным импульсом для развертывания дальнейших теоретических исследований. И в этом одна из его важнейших заслуг.

Говоря о народоведении в рассматриваемую эпоху, следует отметить еще ряд возникших в нем течений. Так, в 1920-х годах определенное воздействие на народоведение оказали иррационализм и мистицизм, получившие распространение

среди части либеральной интеллигенции. Одновременно произошло так называемое «Риль-возрождение». Полузабытые взгляды Рилья вновь получили широкое распространение и были, в частности, использованы в самых реакционных целях деятелями нарождавшегося «национал-социалистического народоведения»³⁴.

Одновременно в рассматриваемое время завершается сложение националистической и шовинистической «национально-народной» (völkisch) идеологии, характерной не только для наиболее пронацистски настроенных ученых, но и некоторых либеральных представителей народоведения, в том числе и среди противников развертывавшегося гитлеровского движения. Характерный пример такого рода — теоретические взгляды сторонников сложившегося в 1920-е годы так называемого «европейски-христианского направления» в народоведении. В своих работах его представители выступали против националистической и шовинистической ограниченности немецкого народоведения, проповедывали общность европейской культуры, появившуюся в результате воздействия христианства. Между тем в трудах главы этого направления Георга Шрайбера ярко выступала идея национально-народной идеологии, когда он писал, что сакральное и национально-народное должны «дать друг другу руку и поддерживать друг друга»³⁵.

Таким образом, идея «национально-народного» (völkisch), ставшая еще до прихода Гитлера к власти одним из краеугольных камней мировоззрения нацизма, в немалой степени была плодом теоретических изысканий в области немецкого народоведения и практически нашла отражение в большинстве трудов по народоведению 1920-х годов, в том числе и многих авторов, которые после 1945 г. особенно усиленно декларировали свою непричастность к нацизму³⁶.

Утверждение в рассматриваемое время «национально-народной» идеологии сопровождалось распространением расистских взглядов, что нашло значительное отражение и в народоведении. Расизм оказался одним из наиболее реакционных элементов этой идеологии, как и всего национал-социализма в целом. В соответствии с «национально-народными» представлениями расовые связи объявлялись главными в немецком народе. Все прочие виды связей в обществе в целом и между отдельными группами и людьми объявлялись несущественными. Раса понималась как нечто извечное в физическом и психическом смыслах. Это единство понималось как «душа народа» и его характер и свойства. Существенной составной частью «национально-народной» идеологии, соответственно и нацизма, стала догма «земли и крови» (Blut und Boden)³⁷, неразрывного единства расы и территории.

Выраженный нацистский характер имела тесно связанная с народоведением идеология «народа как (духовной) общности», «органологическое народное понятие (organologischer Volksbegriff)», направленная против демократии, прав личности и ставшая идейной основой тоталитаризма.

Была возрождена в новом, националистическом и шовинистическом духе концепция упомянутого выше Альбрехта Дитриха о «материнской почве» и «исконных немецких землях».

Многие шовинистические и расистские постулаты нацизма, выработанные его идеологами А. Розенбергом, Гансом Ф. К. Гюнтером, Людвигом Шлеманом, Л. Ф. Клаусом и другими, опирались на положения немецкого народоведения. Так, Л. Ф. Клаус, занимаясь проблемами народоведения, проповедывал учение о расе как биологическом явлении и «внутреннем законе» человека и народа. Розенберг развивал мысли о «расе как судьбе народа и личности», что стало лейтмотивом многих выступлений Гитлера³⁸.

К середине 1920-х годов в народоведении появилось много работ, которые имели прямую расистскую и нацистскую направленность. Характерным представителем такого рода направления в народоведении был Фридрих Люерс, предлагавший весьма широко трактовать задачи народоведения и считавший необходимым создать новую науку «Volkstumskunde» (труднопереводимое понятие,

означающее, примерно, «наука о свойствах народа» — имея в виду только свойства немецкого народа)³⁹.

К концу 1920-х годов все большее число представителей немецкого народоведения оказались в той или иной мере связанными с нацистским движением, особенно благодаря разработке проблем «народной (völkisch) идеологии». Но следует подчеркнуть, что эта идеология так никогда и не приняла вид стройной научной системы; она лишь демонстрировала конгломерат шовинистических, националистических, расистских лозунгов и представлений.

Дальнейшая история немецкого народоведения в двенадцатилетие господства нацизма оказалась весьма трагической и практически привела к крушению этой ветви науки в традиционном виде в послевоенные годы.

Примечания

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, М., 1973; Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Марков Г. Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии//Этнография за рубежом, М., 1979; его же. История этнографической науки//Этнография. М., 1982.

² Марков Г. Е. Из истории немецкого народоведения//Вестник Московского ун-та. Серия 8 (история). 1990. № 2.

³ Bach A. Deutsche Volkskunde. Heidelberg. 1960; Jakobeit W. Bäuerliche Arbeit und Wirtschaft, B., 1965; Kothé H. Die volkskundliche Forschung und Lehre in der Deutschen Demokratischen Republik//Ethnologia Europaea. 1967. Vol. 1. Stöckhert H. Positionen und Grenzen der «Kritischen Volkskunde» in der BRD//Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. 1973. Bd. 16 (Neue Folge—Bd. 1); Emmerich W. Germanistische Volkstums — Ideologie. Genese und Kritik der Forschung im Dritten Reich. Tübingen. 1968; Kutter U. Volkskunde — ein Beleg von 1782//Zeitschrift für Volkskunde. 1978. Jg. 74. Bd. 2.

⁴ См.: Klemperer V. LTI. Leipzig, 1980.

⁵ Марков Г. Е. Из истории немецкого народоведения.

⁶ Riehl W. H. Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen Sozial-Politik. Stuttgart; Tübingen; Augsburg. 1854. Bd. 1—2. idem. Kulturstudien aus drei Jahrhunderten. Stuttgart, 1873; Марков Г. Е. Из истории немецкого народоведения. С. 37.

⁷ Hoffmann-Krayer E. Die Volkskunde als Wissenschaft. Zürich, 1902; idem. Naturgesetz in Volksleben//Hessische Blätter für Volkskunde. 1903. Bd. 2; idem. Individuelle Triebkräfte im Volksleben//Schweizerisches Archiv für Volkskunde. 1930. Bd. 30.

⁸ Strack A. Volkskunde//Hessische Blätter für Volkskunde. 1903. Bd. 2.

⁹ Dietrich A. Über Wesen und Ziele der Volkskunde//Hessische Blätter für Volkskunde. 1902. Bd. 1.

¹⁰ Mogk E. Wesen und Aufgaben der Volkskunde//Mitteilungen des Verbandes deutschen Verein für Volkskunde. 1907. № 6.

¹¹ Habereand M. Einführung in die Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung Österreichs. Wien, 1924.

¹² Preuss K. Th. Die geistige Kultur der Naturvölker, Leipzig; B., 1914.

¹³ Emmerich W. Germanistische Volkstumsideologie. Tübingen, 1968.

¹⁴ Spamer A. Um die Prinzipien der Volkskunde. Anmerkungen zu Hans Naumanns Grundzügen der deutschen Volkskunde//Hessische Blätter für Volkskunde. 1924. Bd. 23; idem. Die Bedeutung der Volkskunde für die Gegenwart//Bayrischer Heimatsschutz. 1927. Bd. 23; idem. Sächsisches Volkstum. Leipzig, 1928. Hf. 1.; idem. Wesen, Wege und Ziele der Volkskunde, Leipzig, 1928; idem. Die Volkskunde//Grundzüge der Deutschkunde. Leipzig, 1929. Bd. 2.

¹⁵ Ipsen G. Soziologie des deutschen Volkstums//Akademie für angewandte Soziologie. 1932. № 4.

¹⁶ Schwietering J. Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde//Vierteljahrsschriften für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Bd. V. (1927).

¹⁷ Laufer O. Was heist deutsche Volkskunde//Zeitschrift für Volkskunde. 1933.

¹⁸ Frings T. Yn: Deutsche Forschung. B., 1928. Hf. 5.

¹⁹ Wagner K. Geographisch-Historische Volkskunde//Hessische Blätter für Volkskunde. 1922. Bd. 21. Bach A. Wege und Ziele der deutschen Volkskunde//Neue deutsche Schule. 1930. Jg. 4. Основные работы Баха опубликованы уже после 1933 г. и содержат наряду с огромным фактическим материалом интересные теоретические выводы.

²⁰ Ханс Науман по образованию германист. С 1919 г. профессор в Иене, с 1921 г. — профессор университета во Франкфурте на Майне. В 1932—1945 гг. профессор Боннского университета.

²¹ Naumann H. Grundzüge der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1929; idem. Deutschkunde und Volkskunde//Zeitschrift für deutsche Bildung. Bd. 5.

²² Naumann H. Grundzüge der deutschen Volkskunde. S. 7.

²³ Прямой перевод термина «Gemeinschaft» как «общность» или «община» не передает в данном случае адекватно того содержания, которое в него вкладывал Науман. То, что он имел в виду,

было иррациональным понятием, неким мистическим «общим свойством» мистической исконной «народной общности».

- ²⁴ Naumann H. Grundzüge der deutschen Volkskunde. S. 8, 10.
- ²⁵ Ibid. S. 10—12.
- ²⁶ Naumann H. Versuch einer Geschichte der deutschen Sprache als Geschichte des deutschen Geistes//Deutsche Vierteljahrsschriften für Literaturwissenschaft und Geschichte. Halle (Saale), 1923. Jg. 1.; idem. Über das sprachliche Verhältnis von Ober- zu Unterschicht//Jahrbuch für Philologie. München, 1925. Bd. 1.
- ²⁷ Naumann H. Grundzüge der deutschen Volkskunde. S. 11, 12.
- ²⁸ Ibid. S. 58, 61, 62.
- ²⁹ Bach A. Deutsche Volkskunde. Ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben. Eine Einführung. Leipzig, 1937. S. 2, 8, 9, 45.
- ³⁰ Meier J. Wege und Ziehle der deutschen Volksforschung//Deutsche Volkskunde. 1928. Hf. 6.
- ³¹ Bohem M. H. Das eigenständige Volk. Volkstheoretische Grundlagen der Ethnopolitik und Geisteswissenschaften. Göttingen, 1932.
- ³² Spamer A. Um die Prinzipien der Volkskunde. Anmerkungen zu Hans Naumanns Grundzügen der deutschen Volkskunde//Hassische Blätter für Volkskunde. Bd. 23 (1924). S. 14, 15, 67.
- ³³ Ср.: Рабинович М. Г. Город и традиционная культура//Сов. этнография. 1980. № 4
- ³⁴ См. напр.: Boehm Max Hildebrand. Das eigenständige Volk. Volkstheoretische Grundlagen der Ethnopolitik und Geisteswissenschaft, Göttingen, 1932.
- ³⁵ Schreiber G. Nationale und internationale Volkskunde//Vorschungen zur Volkskunde. 1930. Hf. 3/4.
- ³⁶ Bausinger H. Volksideologie und Volksforschung. Zur nationalsozialistischen Volkskunde//Zeitschrift für Volkskunde. Jg. 61. Bd. 2. S. 3 und folgende.
- ³⁷ В ироническом смысле это выражение употреблялось в годы нацизма в виде «Blubo».
- ³⁸ Claus L. F. Rasse und Seele, Halle/Sa., 1923; idem. Von Seele und Antlitz der Rassen und Völker. München, 1929; Rosenberg A. Blut und Ehre. Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze 1919—1933. München, 1938.
- ³⁹ Luers F. Volkskunde in Unterricht der höheren Lehranstalten. Frankfurt a/M., 1924.

Theoretical Aspects of German Volkskunde (Early 20 th Century — 1933)

The article is devoted to Volkskunde as a subdivision of German anthropology (distinctive from Volkerkunde and Ethnographie). «German» in this context also refers to Austrian and Swiss studies having common language, origin and history. The analysis of Volkskunde has both scientific and political importance, because some of its theoretical principles were incorporated by National-Socialism. The history of Volkskunde is subdivided in five stages: preliminary works; the period from the Volkskunde formation as a science to the First World War; the very important, if short, period 1920—1933, the Nazi period and the post-war period. The author's main points are the following: the great influence of W. H. Riehl and E. Hoffmann-Krayer ideas on the development of Volkskunde, widespread discussions on the subject and tasks of Volkskunde, the rise of the «psychological» and «sociological» currents, formation of the «National-Socialist Volkskunde», method of cartography, H. Nauman's idea of «two cultural layers», and drifting of German and Austrian scientists towards Nazi positions.

G. E. Markov